

СОЦИЕТАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В РЕГИОНЕ БАЛТИЙСКОГО МОРЯ: РОССИЙСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА

А. А. Сергунин

Санкт-Петербургский государственный университет,
199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9

Нижегородский государственный университет
им. Н. И. Лобачевского,
603022, Россия, Нижний Новгород, просп. Гагарина, 23

Поступила в редакцию 08.05.2021 г.
doi: 10.5922/2079-8555-2021-3-1

© Сергунин А.А., 2021

Обсуждается вопрос, включена ли концепция социальной безопасности в российский официальный и неофициальный дискурс, а также ее наличие в российских стратегических документах по национальной безопасности и безопасности региона Балтийского моря. В статье, в частности, описаны теоретические подходы к определению концепции социальной безопасности в рамках четырех парадигм международных отношений (неореализм, неолиберализм, глобализм и постпозитивизм). В практическом плане России совместно с другими региональными игроками удалось выработать общий региональный подход к пониманию угроз и вызовов социальной безопасности в регионе Балтийского моря, к которым относятся неравномерное региональное развитие, социальное и гендерное неравенство, безработица, бедность, проявления нетерпимости, религиозный и политический экстремизм, сепаратизм, крупномасштабная миграция, несогласованность систем образования, изменение климата, природные и техногенные катастрофы, транснациональная организованная преступность и киберпреступность, международный терроризм, так называемые гибридные угрозы и т. д. Москва и другие страны Балтии имеют общую позицию относительно Совета государств Балтийского моря, выступающего надлежащим региональным учреждением для реализации общей стратегии социальной безопасности, примером которой является План действий стран Балтийского моря в рамках Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года (2017).

Ключевые слова:

социетальная безопасность, Россия, регион Балтийского моря, Совет государств Балтийского моря, План действий стран Балтийского моря в рамках Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года

Введение

Концепция социальной безопасности является относительно новой для российского политического дискурса и до сих пор не укоренилась в российском стратегическом мышлении и в политике национальной безопасности. Адекватного перевода термина «социетальная безопасность» на русский язык не существует. Некоторые ученые переводят его как «общественная безопасность», другие предпочитают вариант «безопасность общества», что ближе к исходной концепции социальной безопасности, разработанной Копенгагенской школой международных отношений (IR) (Барри Бузан и Оле Вэвер). Согласно этой традиции социетальная безопасность — это способность сообщества сохранить свою сущность в качестве

Для цитирования: Сергунин А. А. Социетальная безопасность в регионе Балтийского моря: российская перспектива // Балтийский регион. 2021. Т. 13, № 3. С. 4–24. doi: 10.5922/2079-8555-2021-3-1.

сплоченной единицы. Социетальная безопасность нарушается, когда «общество опасается, что не сможет выжить само по себе» [1].

Концепция социетальной безопасности была позже расширена последователями Бузана и Вэвера и в настоящий момент включает в себя не только изучение экзистенциальных угроз обществу, но и различных проблем мягкой безопасности, таких как социально-экономическое неравенство, социальная депривация, отсутствие доступа к образованию, культуре и телекоммуникациям, экологические проблемы, качество продуктов питания и воды и т. д. Теоретической базой настоящего исследования послужило такое расширенное понимание концепции социетальной безопасности.

Следует отметить, что подходы посткопенгагенской школы, в которых предпринимаются попытки установить взаимосвязь между понятием «социетальная безопасность» и концепциями безопасности человека, устойчивости и резильентности, постепенно набирают силу в российском политическом дискурсе, однако все еще не распространены в академическом сообществе и властных структурах. За редким исключением [2–4] исследований социетальной безопасности в регионе Балтийского моря (РБМ) не существует.

Данное исследование направлено на изучение восприятия концепции социетальной безопасности как государственными структурами, так и различными российскими школами международных отношений. В статье также обсуждается вопрос о том, стала ли эта концепция частью российского дискурса о регионе Балтийского моря, а также изучается роль России в формировании Повестки дня Совета государств Балтийского моря (СГБМ) в области социетальной безопасности.

Теоретическая основа, данные и методология исследования

Данное исследование основано на двух теоретических подходах. В отношении российских официальных и неофициальных дискурсов о социетальной безопасности РБМ используется подход социологии знания к дискурсу (СКАД) Райнера Келлера [5]. В рамках этого подхода любой дискурс интерпретируется как реализация практики власти / знания. Следовательно, данный подход выходит далеко за рамки анализа текста или анализа речевых актов и рассматривает такие составляющие дискурса, как знание и власть, и степень их влияния на практики, а также инфраструктуру производства дискурса, институциональные и внешние воздействия на конкретную практику, возникающие при пересечении дискурсов с областями практик. СКАД-подход основывается на предположении, что дискурсы не говорят сами за себя, а скорее воплощаются в реальности социальными акторами и их коммуникационными (интер) акциями в рамках ранее существовавших социальных практик и институциональных структур в исторически сложившихся процессах взаимодействия и институционального конструирования.

В рамках данного подхода различные типы данных и этапы их интерпретации рассматриваются во взаимосвязи, например более классические исследовательские стратегии анализа конкретных случаев и кейс-стади в сочетании с детальным анализом текстовых данных. В отличие от других качественных подходов, применяемых в социальных науках, СКАД-подход как таковой не уделяет внимания последовательности значения, присущего одному конкретному тексту дискурса, но предполагает, что такие данные отображают некоторые элементы дискурса либо могут выступать в качестве точки пересечения нескольких дискурсов.

В основе настоящего исследования лежит также так называемый либеральный межправительственный подход. Основанный на сочетании различных неолиберальных теорий Патнэма, Рагги и Кеохана, он был разработан Эндрю Моравчиком в качестве самостоятельной теории [6]. Среди прочего теория ставит своей задачей прояснить, как государства с расходящимися и даже конфликтующими интересами,

а также с разными системами управления и экономикой (Россия и другие страны Балтийского моря) могут сотрудничать и интегрироваться друг с другом. Отношения между Россией и ее соседями по РБМ по типу ненависти и любви представляют собой классический пример с точки зрения данной теории.

Принятие государствами решений о сотрудничестве на международном уровне объясняется в теории согласно трехэтапной схеме: государства сначала определяют свои национальные предпочтения, затем заключают международные соглашения и наконец создают или корректируют свои институты и режимы с целью обеспечения результатов перед лицом неопределенности в будущем. Задачей данной теории является изучение того, что движет национальными предпочтениями, стратегиями ведения переговоров и характером международных институтов и режимов, которые возникают в результате такого многозадачного процесса. Региональная и глобальная интеграция понимается при этом как серия рациональных выборов, осуществляемых национальными лидерами. Эти выборы обусловлены ограничениями и возможностями, проистекающими из социально-экономических, политических и культурных интересов влиятельных субъектов внутри страны, относительной мощностью государств, проистекающей из асимметричной взаимозависимости, и ролью институтов в поддержании доверия к межгосударственным обязательствам.

В этом исследовании я демонстрирую наличие мощных внутренних и международных стимулов, которые побуждают российское политическое руководство выбирать кооперативный, а не конфликтный тип поведения в регионе Балтийского моря и искать решения региональных социальных проблем путем переговоров, компромиссов и укрепления институтов и механизмов управления (например, СГБМ).

Данные для этого исследования взяты из различных источников:

- документы, имеющие отношение к национальной безопасности России и официальные документы, связанные с политикой Москвы в РБМ;
- документы СГБМ;
- научные работы российских и зарубежных авторов по социетальной безопасности в целом и в РБМ в частности;
- публикации в СМИ.

Имея дело с различными категориями источников, создать надежную базу данных довольно сложно — различные источники могут противоречить друг другу и / или быть отрывочными, доступная статистика иногда вводит в заблуждение или является неполной. Что касается научных работ, то их авторы применяют разные методы оценки и интерпретации эмпирических данных. Поэтому в процессе исследования важно постоянно проверять и перепроверять доступные источники с точки зрения их надежности, а также сравнивать их друг с другом с целью исключения недостоверных или ошибочных данных и для того, чтобы избежать предвзятости в суждениях.

В частности, я использую три основных принципа для отбора и интерпретации эмпирических данных:

1. Источники должны быть репрезентативными, т.е. отражать типичные, а не случайные изменения в российском дискурсе по проблематике социетальной безопасности в регионе Балтийского моря.
2. Предпочтение отдается данным, которые предоставляют ценную и своевременную информацию о политике Москвы в регионе.
3. Приоритет также отдается источникам, отражающим оригинальные данные, а также современные / нетрадиционные подходы как к российскому дискурсу о регионе Балтийского моря, так и к политике Москвы в рамках СГБМ.

С помощью этих исследовательских инструментов возможно успешно преодолеть вышеупомянутые недостатки эмпирической базы и эффективно собрать надежные данные для этого исследования.

Российский дискурс о социетальной безопасности

Данный дискурс включает два уровня: первый уровень — официальный дискурс, сформированный различными российскими доктринальными / концептуальными документами. Второй представлен экспертными и научными нарративами о национальной и международной безопасности и включает в себя взгляды, разработанные различными российскими школами международных отношений.

Официальный дискурс

Документы по национальной безопасности России не содержат концепции социетальной безопасности как таковой, но затрагивают связанные с ней проблемы «мягкой» безопасности. Например, в Законе о безопасности Российской Федерации (1992) предпринята попытка дать определение самому понятию безопасности: «Безопасность — это свобода от внутренних и внешних угроз жизненно важным интересам личности, общества и государства»¹. В русле западной политической мысли авторы документа выделили не только государственную и военную безопасность, но и экономические, социальные, информационные и экологические аспекты безопасности. В отличие от советского законодательства, в котором основное внимание уделялось интересам государства или коммунистической партии, в этом документе, по крайней мере на декларативном уровне, провозглашался приоритет интересов личности и общества. Он также создал систему национальной безопасности для только что родившейся Российской Федерации. Наряду с уже существующими органами, такими как Министерство иностранных дел, Министерство внутренних дел, Министерство безопасности (позднее Федеральная служба безопасности), Служба внешней разведки, Министерство окружающей среды, Законом было рекомендовано создать Совет безопасности, Министерство обороны и несколько комитетов, в том числе Пограничный комитет и так далее.

Однако этот документ был слишком абстрактным и расплывчатым, чтобы сформулировать последовательную стратегию национальной безопасности, включая ее социетальную составляющую. Несколько лет ушло на разработку специальной доктрины национальной безопасности, основанной на комплексном подходе к безопасности, включая ее социетальные аспекты.

Первая концепция национальной безопасности России 1997 года утверждала, что Россия не стоит перед лицом непосредственной опасности крупномасштабной агрессии и что, поскольку страна была истощена множеством изнурительных внутренних проблем, именно они стали величайшей угрозой безопасности России².

Данная концепция была явным отходом от предыдущих доктрин. Например, военная доктрина 1993 года была основана на предположении, что основную угрозу безопасности России представляют внешние факторы, такие как локальные конфликты или территориальные претензии зарубежных стран.

В концепции 1997 года ясно говорилось, что нынешний относительно благоприятный международный климат дает России возможность направить ресурсы от оборонного сектора на восстановление российской экономики³. В целом эти усилия по восстановлению экономики упоминались в документе в контексте продолжающейся демократизации и маркетизации. В частности, говорилось об опас-

¹ *О безопасности* : закон РФ от 5 марта 1992 г. № 2446-1. URL: <https://base.garant.ru/10136200/> (дата обращения: 08.05.2021).

² *Об утверждении* Концепции национальной безопасности Российской Федерации : указ Президента Российской Федерации от 17 декабря 1997 г. № 1300. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

³ Там же.

ностях, связанных с экономическими проблемами России, которые были описаны подробно и открыто. В концепции подчеркивался ряд серьезных угроз экономической безопасности, таких как существенное падение производства и инвестиций, разрушение научно-технического потенциала, беспорядок в финансовой и денежно-кредитной системах, сокращение доходов федерального бюджета, растущий государственный долг, чрезмерная зависимость России от экспорта сырья и импорта оборудования, товаров народного потребления и продуктов питания, «утечка мозгов» и неконтролируемый отток капитала.

В документе также указывалось на внутреннюю социальную, политическую, этническую и культурную напряженность, которая угрожала подорвать как жизнеспособность, так и территориальную целостность российского государства. Среди них были выделены социальная поляризация, демографические проблемы (в частности, снижение рождаемости, средней продолжительности жизни и численности населения), коррупция, организованная преступность, торговля наркотиками, терроризм, радикальный национализм, сепаратизм, ухудшение системы здравоохранения, экологические катастрофы и распад «единого духовного пространства». Фактически доктрина 1997 года определяла повестку дня российской социетальной безопасности без использования самой концепции социетальной безопасности.

В новой версии концепции национальной безопасности, принятой Владимиром Путиным после его прихода к власти в 2000 году, в принципе сохранился акцент на внутренних угрозах национальной безопасности России и присутствовало описание вызовов социетальной безопасности, аналогичное описанию в концепции 1997 года, однако также были определены некоторые внешние угрозы, такие как расширение НАТО на восток и агрессивная политика этой организации на Балканах. Концепция 2000 года увязывала внутреннюю угрозу терроризма и сепаратизма (явно имея в виду Чечню) с внешними угрозами: в ней утверждалось, что международный терроризм связан с усилиями по подрыву суверенитета и территориальной целостности России, а также обозначалась возможность прямой военной агрессии. Однако в документе провозглашался призыв к международному сотрудничеству в борьбе с этими угрозами⁴.

Новшеством стратегии национальной безопасности (СНБ), принятой президентом Дмитрием Медведевым в 2009 году, стало введение системы показателей, характеризующих состояние дел в области национальной безопасности. Эта система показателей включала следующие параметры: а) уровень безработицы; б) децильный коэффициент⁵; в) темпы роста потребительских цен; г) внешний и государственный долг в процентах от ВВП (%); д) государственные расходы на здравоохранение, культуру, образование и исследования в процентах от ВВП; е) темпы ежегодной модернизации вооружения, а также военной и специальной техники; ж) уровень удовлетворения потребностей страны в военном и инженерном персонале⁶.

⁴ Путин В. Концепция национальной безопасности Российской Федерации // Независимая газета. 2000. 14 января С. 4.

⁵ Децильный коэффициент (ДК) — это соотношение между доходами 10% самых богатых и 10% беднейших слоев населения. Этот коэффициент отражает уровень неравенства доходов и социальной дифференциации. ДК колеблется от 5 до 15. По мнению экспертов, если ДК страны больше 10, имеется вероятность социальной нестабильности и даже восстания. По данным Российского комитета по статистике, в 2010 году ДК в России был 14 (*Распределение общего объема денежных доходов населения* // Росстат. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/urov/urov_32kv.htm (дата обращения: 08.05.2021)).

⁶ *О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года* : указ Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 537 // Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

Хотя эти показатели были неполными, сама идея их использования для мониторинга системы национальной безопасности была новаторской и актуальной. В СНБ-2009 была предусмотрена возможность регулярного обновления индикаторной системы.

Президент России Владимир Путин 31 декабря 2015 года утвердил новую СНБ. В доктрине большое внимание уделялось внутренним аспектам безопасности России. В частности, были выявлены такие угрозы безопасности, как терроризм, радикальный национализм и религиозный фанатизм, сепаратизм, организованная преступность и коррупция.

Чтобы снизить указанные риски, Россия должна была стремиться к экономическому росту, развитию научно-технического потенциала страны, «к сохранению и приумножению традиционных российских духовно-нравственных ценностей в качестве основ российского общества и воспитанию гражданского духа у детей и молодежи»⁷. Последнее подразумевает «создание системы духовно-нравственно-го и патриотического воспитания граждан».

Президент Путин 21 июля 2020 года подписал указ «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года». Три из пяти национальных целей были связаны в доктрине с проблематикой социетальной безопасности: а) забота о населении, здоровье и благополучии людей; б) возможности для самореализации и развития талантов людей, в) комфортная и безопасная среда.

Указ от 2020 года ввел некоторые конкретные индикаторы для оценки прогресса в процессе реализации доктрины. Например, оценка создания комфортной и безопасной среды включала следующие критерии:

- улучшение жилищных условий не менее 5 млн семей ежегодно и увеличение объема строительства жилья не менее чем на 120 млн м² в год;
- улучшение качества городской среды в полтора раза;
- обеспечение доли дорожной сети в крупнейших городских агломерациях, отвечающей нормативным требованиям на уровне не менее 85%;
- создание устойчивой системы управления твердыми бытовыми отходами, которая бы обеспечивала 100-процентную сортировку отходов и вдвое сокращала объем отходов, отправляемых на свалки;
- снижение вдвое выбросов вредных загрязнителей, оказывающих наибольшее негативное воздействие на окружающую среду и здоровье человека;
- ликвидация наиболее опасных объектов накопленного экологического ущерба и очистка важнейших рек и озер, в первую очередь Волги, Байкала и Телецкого озера⁸.

Несмотря на то, что некоторые из этих показателей выглядят слишком технократическими и не очень реалистичными, указ 2020 года все же задавал государственным органам вектор стратегического развития, позволявший им выявлять и решать наиболее значимые проблемы, связанные со сферой социетальной безопасности.

Президент Путин 2 июля 2021 года утвердил новую СНБ, которая в основном сохранила подход указа 2020 года к повестке дня социетальной безопасности⁹. Примечательно, что в новой стратегии наряду с концепцией национальной безо-

⁷ *О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации* : указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 // Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

⁸ Указ о национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года. 21 июля 2020 года. URL: www.kremlin.ru/events/president/news/63728 (дата обращения: 08.05.2021).

⁹ *О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации* : указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/File/GetFile/0001202107030001?type=pdf> (дата обращения: 08.05.2021).

пасности активно используется концепция социальной / общественной безопасности, хотя она все еще отличается от концепции социетальной безопасности. Этот документ содержит достаточно подробное описание угроз и вызовов общественной безопасности России. Помимо традиционных угроз и вызовов в СНБ-2021 определены такие проблемы, как негативные последствия изменения климата для российского общества и киберугрозы, возникающие как внутри самой России, так и извне. Особое внимание уделяется эпидемиологической безопасности населения, что стало очевидной реакцией на пандемию COVID-19. Характерной чертой новой стратегии стал упор на внешние источники угроз и вызовов национальной безопасности России. В отличие от концепций национальной безопасности 1997 и 2000 годов СНБ-2021 основывается на предположении, что социально-политическая и экономическая ситуация в России в целом стабильна, а дестабилизирующие факторы действуют извне.

Таким образом, концепция социетальной безопасности до сих пор отсутствует в российских официальных документах, но при этом достаточно полно описаны основные проблемы, связанные со сферой общественной безопасности, а также определены пути и средства борьбы с этими угрозами и вызовами, включая усилия как государственных, так и общественных институтов.

Российские школы международных отношений

Российские школы международных отношений существенно отличаются друг от друга своим пониманием / подходами к социетальной безопасности.

Российская школа неореализма практически не признает само понятие социетальной безопасности, предпочитая использовать относительно традиционное понятие социальной / общественной безопасности. В рамках этой школы социальная / общественная безопасность интерпретируется скорее как компонент / уровень национальной безопасности, которая, в свою очередь, состоит из индивидуальной, социальной и государственной безопасности. Неореалисты выделяют следующие угрозы социальной / общественной безопасности как в России, так и в РБМ: социально-экономическое неравенство / правовое неравенство, бедность, низкий уровень жизни, плохая система социального обеспечения, уличное насилие и преступность, коррупция, алкоголизм и наркомания, неэффективность системы здравоохранения, деградация окружающей среды, политический, этнический и религиозный экстремизм, сепаратизм, угрозы информационной безопасности, культурной целостности и традиционным моральным и семейным ценностям и т. д. [7—9]. Как упоминалось выше, эти угрозы отражены в российских документах по национальной безопасности с 1990-х годов, поскольку сами документы были разработаны под влиянием господствующей школы неореализма.

В российской неолиберальной парадигме международных отношений есть несколько школ, различающихся пониманием концепции социетальной безопасности. Одна из интерпретаций понятий основана на предположении, что концепция социетальной безопасности обязана своим появлением традициям прав человека (идеям естественного права и естественных прав). В рамках этого подхода основным референтом является человек, а такие аспекты его жизни, как, например, гражданские права, культурная самобытность, доступ к образованию и здравоохранению, считаются имеющими фундаментальное значение для человеческого достоинства. Либералы утверждают, что задачей социетальной безопасности должно быть расширение и укрепление существующей глобальной правовой базы прав человека [10—12, с. 274—286; 13]. Эта подшкола фокусирует свое внимание на правах этнических, религиозных, культурных и сексуальных меньшинств, полагая, что в здоровом обществе меньшинства должны быть защищены и иметь возможность в полной мере самовыражаться. Неолибералы подвергают жесткой критике российское прави-

тельство за его неспособность эффективно реализовать данную концепцию как на национальном, так и на глобальном уровнях. Они также считают, что лучшая защита от социетальных вызовов и угроз — это хорошо развитое гражданское общество и его институты, которых на сегодняшний день в России не хватает.

Другая ветвь российского неолиберализма рассматривает социетальную безопасность как синоним общественной безопасности. Согласно этой подшколе социетальная безопасность означает социальную устойчивость, а именно обеспечение ключевых элементов общества — экономического равенства, рефлексивных культурных традиций и социальной справедливости посредством активной гражданской активности. Повестка дня в области социетальной безопасности также включает миграцию, интеграцию мигрантов в общество, мультикультурализм, права меньшинств, социальную сплоченность. Эта ветвь неолиберализма большое внимание уделяет безопасности русских этнических сообществ в странах Балтии [14; 15]. Кроме того, в рамках этого направления исследуется, насколько устойчивы этнические меньшинства на Северо-Западе России, такие как ингерманландские финны [16] или сету [17].

Другая неолиберальная подшкола предпочитает более широкое видение социетальной безопасности и предпринимает попытки уравнивать эту концепцию с концепцией безопасности человека, предложенной ООН [18]. Они принимают определение безопасности человека, данное Программой развития ООН в Докладе о развитии человеческого потенциала 1994 года, которое включает семь компонентов: экономическая безопасность, продовольственная безопасность, безопасность здоровья, экологическая безопасность, личная безопасность, безопасность сообщества и политическая безопасность¹⁰.

Согласно этой подшколе регион Балтийского моря имеет уникальные особенности, которые формируются благодаря его природной среде, отличной от природной среды какого-либо другого региона. Неолибералы полагают, что все сообщество РБМ разделяет некоторые идентичные нормы и ценности, которые служат стимулом для сплочения общества [19; 20]. При этом общество испытывает как положительное, так и отрицательное воздействие непрерывных и стремительных изменений, вызванных в основном геополитической, геоэкономической и экологической динамикой в регионе и его окружении, и если некоторые изменения открывают новые возможности для региона Балтийского моря, то другие негативно влияют на общество, поскольку под угрозой оказываются социально-экологические факторы и культурная целостность, формирующие это общество.

В соответствии с этим подходом социетальные вызовы региона являются широко распространенными и комплексными. Они стоят в разной степени перед всем населением региона через границы, которые разделяют их на государства Балтийского моря. Таким образом, требуется региональная оценка конкретных потребностей и ожиданий населения помимо той, которая имеется у правительства государств РБМ.

Российская глобалистская школа бросает вызов как «узкому» пониманию социетальной безопасности как общественной безопасности, предлагаемому неореалистами, так и неолиберальным легалистским и правозащитным подходам. В то же время глобалисты согласны с теми неолиберальными течениями, которые предпочитают более широкое понимание социетальной безопасности, особенно безопасности человека.

С другой стороны, в рамках этой школы социетальная безопасность скорее интерпретируется как аналог концепции устойчивого развития [21]. Представители этой школы утверждают, что экономического роста недостаточно для расширения

¹⁰ *United Nations Development Program // Human Development Report 1994: New Dimensions of Human Security.* N.Y., 1994. P. 24—33. URL: http://hdr.undp.org/sites/default/files/reports/255/hdr_1994_en_complete_nostats.pdf (дата обращения: 05.06.2021).

возможностей людей или их выбора, поэтому внимание необходимо уделять и таким сферам, как здравоохранение, образование, технологии, окружающая среда и занятость. Необеспечение безопасности человека отрицательно сказывается на экономическом росте и, следовательно, на развитии. Глобалисты подчеркивают, что несбалансированное развитие, влекущее за собой горизонтальное неравенство, является серьезной причиной конфликтов. Следовательно, такой замкнутый круг, при котором недостаток развития ведет к конфликту, а затем и конфликт ведет к недостатку развития, возникает довольно легко. При этом вероятны также и эффективные циклы, когда высокий уровень безопасности приводит к развитию, а развитие способствует дальнейшему обеспечению безопасности.

Стоит также отметить, что за последнее десятилетие в российском академическом сообществе получил распространение так называемый комплексный подход к принципам и стратегиям устойчивого развития [22]. Согласно этому подходу устойчивое развитие концептуально разбивается на три составные части: экологическую, экономическую и социальную.

Что касается стратегии устойчивого развития Москвы в регионе Балтийского моря, российские эксперты выделяют следующие направления:

1. *Экономическое*: включает в себя устойчивую экономическую деятельность и повышение благосостояния жителей региона Балтийского моря; устойчивое использование природных, в том числе живых, ресурсов; развитие транспортной инфраструктуры (включая авиацию, морской и наземный транспорт), информационных технологий и современных телекоммуникаций.

2. *Экологическое*: имеет следующие приоритеты: мониторинг и оценка состояния окружающей среды в регионе Балтийского моря; предотвращение и ликвидация загрязнения окружающей среды в регионе; охрана морской среды Балтийского моря; сохранение биоразнообразия в регионе Балтийского моря; оценка воздействия изменения климата в регионе; предотвращение и ликвидация чрезвычайных экологических ситуаций в регионе Балтийского моря, в том числе связанных с изменением климата.

3. *Социальное* измерение включает здоровье людей, живущих и работающих в регионе Балтийского моря; образование и культурное наследие; процветание и развитие потенциала детей и молодежи; гендерное равенство; повышение благосостояния и искоренение бедности среди жителей РБМ [23].

Российская постпозитивистская школа не предлагает единого подхода к социетальной безопасности. Так, например, в рамках постмодернизма, наиболее радикальной подшколы постпозитивизма, «позитивистские» концепции безопасности подвергаются жесткой критике, но собственная концепция безопасности не разработана [24].

Российский социальный конструктивизм, еще одна постпозитивистская подшкола, предпочитает интерпретировать социетальную безопасность через призму концепции идентичности. Вслед за копенгагенской школой международных отношений российские конструктивисты считают, что безопасность государства противоречит безопасности общества: «Безопасность государства имеет суверенитет в качестве конечного критерия, а социетальная безопасность общества — идентичность» [25, с. 23]. Согласно этой подшколе социетальная безопасность, которая конструируется в обществе, может быть обеспечена только в том случае, если идентичность акторов формируется неконфронтационным способом [26]. В противном случае множественные идентичности вступают в конфликт друг с другом и не способствуют достижению желаемого уровня социетальной безопасности.

Конструктивисты призывают к парадигматическому изменению дискурса российского региона Балтийского моря: вместо того чтобы воспринимать регион как маргинальный, враждебный источник угроз безопасности, российское государство и общество должны рассматривать его как регион с большим потенциалом сотруд-

ничества [27; 28]. По мнению российских конструктивистов, регион Балтийского моря должен иметь более позитивный и привлекательный имидж и ассоциироваться с идеями роста, процветания и инноваций. Более того, Москва должна воспринимать РБМ как регион мира и стабильности, где можно примирить и гармонизировать различные идентичности. В то же время конструктивисты продолжают отслеживать некоторые негативные процессы и факторы, которые по-прежнему порождают империалистические и националистические настроения в российском обществе и элитах и препятствуют международному сотрудничеству в регионе Балтийского моря [29].

Завершая обсуждение дебатов о социетальной безопасности в России, следует отметить, что существуют серьезные проблемы с включением концепции социетальной безопасности в российский политический дискурс. Эти проблемы сводятся к следующему:

1. Российское стратегическое мышление о национальной безопасности носит иерархический характер — как упоминалось выше, индивидуальный, социальный и государственный / национальный уровни выделяются там, где государственная безопасность (в действительности, а не на декларативном уровне) по-прежнему наиболее значима.

2. Российское общество не является независимым социальным актором. Гражданское общество все еще находится в зачаточном состоянии, и по этой причине ни общество, ни индивид не могут быть реальными объектами безопасности.

3. Концепция идентичности слишком расплывчата для большинства российских внешнеполитических школ, за исключением постпозитивистов, которые не готовы интерпретировать социетальную безопасность через призму этой категории.

4. Социетальная безопасность не обязательно имеет какое-либо значение для людей, личная безопасность для них намного важнее.

5. Поскольку тенденции антиглобализма и озабоченность внутренними проблемами относительно сильны в России, в стране преобладает такой тип социальной / общественной психологии, как сопротивление, а не резильентность.

6. Постсуверенный тип менталитета и политики по-прежнему непопулярны в России. Поскольку и простые люди, и элиты считают, что Россия действует в довольно недружественной или даже враждебной международной среде, тема национального суверенитета, которая тесно связана с государственной, а не социетальной безопасностью, очень важна в российском политическом дискурсе.

В то же время, не признавая саму концепцию социетальной безопасности, российские школы международных отношений тем не менее во многом совпадают в своих взглядах на природу социальных проблем, существующих в РБМ.

Россия и повестка дня социетальной безопасности СГБМ

Хотя многие соседи России по Балтийскому морю воспринимают Москву как источник угрозы их безопасности после украинского кризиса, Кремль настаивает на том, что не имеет агрессивных намерений в регионе, и предпочитает сотрудничество, а не конфронтацию. С теоретической точки зрения либеральный межправительственный подход предлагает правдоподобное объяснение того, почему Москва предпочитает политику сотрудничества, а не конфронтации в регионе Балтийского моря. Что касается формирования национальных предпочтений, у Кремля довольно насыщенная внутренняя повестка дня, которой следует отдавать приоритет над международными проблемами в регионе.

Как упоминалось выше, руководство России осознает, что большинство угроз и вызовов ее безопасности исходят изнутри, а не из-за пределов страны. Эти проблемы коренятся в совокупности факторов, включая деградацию советской экономической, транспортной и социальной инфраструктуры в северо-западных регионах России, нынешнюю ресурсоориентированную модель российской экономики, а также нехватку средств и управленческих навыков для правильного развития российской части РБМ. Отсюда следует, что нынешняя балтийская стратегия России носит внутренний, а не внешний характер. Она направлена на решение существующих внутренних проблем, а не на внешнюю экспансию. Более того, развивая свои северо-западные регионы, Москва стремится продемонстрировать, что открыта для международного сотрудничества, иностранных инвестиций и инноваций.

Следует отметить, что национальные предпочтения России формируют довольно прагматичную международную стратегию, которая направлена на использование совместных программ и региональных институтов региона Балтийского моря для решения в первую очередь специфических проблем России, а не неких абстрактных задач.

СГБМ рассматривается Россией как центральный элемент и краеугольный камень системы регионального управления, что подтверждается российскими стратегическими документами¹¹ и многочисленными заявлениями¹² руководства. По сравнению с другими региональными и субрегиональными организациями, форумами и программами (такими, как ЕС, североевропейские институты, Северное измерение и т. д.), СГБМ рассматривается Кремлем как более представительная (с точки зрения его географического охвата), многомерная (по сферам его деятельности), научно обоснованная и эффективная международная организация [30; 31]. Несмотря на то, что десять других государств — членов СГБМ входят в западные институты, в которые не входит Россия (НАТО, ЕС, североевропейские организации), Москва по-прежнему чувствует себя комфортно в Совете, потому что действует на равных и может участвовать в процессе принятия решений СГБМ.

Москва также рассматривает СГБМ как важный инструмент для преодоления политической и дипломатической изоляции, в которую ее пытались втянуть западные страны. С помощью СГБМ Россия сохраняет способность влиять на региональные социально-экономические, политические, экологические и гуманитарные процессы.

Следует отметить, что, несмотря на рост напряженности между Россией и остальными странами Балтийского моря в контексте украинского кризиса, Москва не отказалась от многосторонней дипломатии в регионе, включая СГБМ. Россия сыграла решающую роль в переформулировании долгосрочных приоритетов

¹¹ *Об утверждении* Концепции внешней политики Российской Федерации : указ Президента Российской Федерации от 30.11.2016 № 640 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201612010045?index=0&rangeSize=1> (дата обращения: 05.04.2021).

¹² *Выступление* и ответы на вопросы СМИ Министра иностранных дел Российской Федерации С. В. Лаврова в ходе пресс-конференции по итогам министерской сессии Совета государства Балтийского моря в формате видеоконференции, Москва, 19 мая 2020 года // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: https://www.mid.ru/sovets-gosudarstv-baltijskogo-mora/-/asset_publisher/3qDBE0PYRt7R/content/id/4133375 (дата обращения: 09.04.2021); *Выступление* первого заместителя Министерства иностранных дел Российской Федерации В. Г. Титова на министерской сессии Совета государства Балтийского моря, Рейкьявик, 20 июня 2017 года // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: https://www.mid.ru/sovets-gosudarstv-baltijskogo-mora/-/asset_publisher/3qDBE0PYRt7R/content/id/2794141 (дата обращения: 09.04.2021).

СГБМ, имевшем место в период украинского кризиса. В свете оценки и обзора пяти долгосрочных приоритетов СГБМ, утвержденных на 7-м саммите государств Балтийского моря, состоявшемся в Риге в 2008 году, СГБМ под председательством Финляндии (2013—2014) решил включить три обновленных долгосрочных приоритета — региональную идентичность, устойчивый и процветающий регион и безопасный регион¹³.

Россия активно поддержала и внесла свой вклад в План действий СГБМ-2030 (июнь 2017 года)¹⁴, в котором предлагается основа для поддержки макрорегиональной, национальной и субрегиональной реализации стратегии устойчивого развития для региона Балтийского моря. План действий «Балтика-2030» включает шесть приоритетных областей, представляющих практический способ решения сложных задач Повестки дня на период до 2030 года в регионе Балтийского моря. Основные направления глубоко взаимосвязаны и отражают целостный подход к достижению Целей устойчивого развития (ЦУР) ООН 2015 года и в то же время региональной повестки дня в области социетальной безопасности:

1. Партнерство во имя устойчивого развития. Макрорегиональные, многосторонние и инклюзивные партнерства лежат в основе Плана действий «Балтика-2030». Согласно этому документу все заинтересованные стороны должны взять на себя ответственность за расширение регионального сотрудничества и достижение устойчивого развития. Существующие и новые партнерства в регионе Балтийского моря должны сосредоточиться на обмене знаниями и разработке инновационных, конкретных и практических решений общих проблем.

2. Переход к устойчивой экономике. Транснациональное сотрудничество имеет решающее значение для успешного перехода к устойчивой экономике. Это приоритетное направление включает в себя несколько взаимосвязанных задач: повышение энергоэффективности и обеспечение доступной чистой энергии, сокращение отходов, разумное управление ресурсами, внедрение устойчивых практик и образа жизни в области потребления и производства, создание устойчивых сельскохозяйственных систем, сокращение загрязнения воды и защита экосистем, обеспечение продуктивной занятости и достойная работа для всех, содействие исследованиям и инновациям и поддержка «серебряной», «циркулярной», «синей» и «зеленой» экономики. Примечательно, что Москва, которую страны Балтии, Дания и Польша часто обвиняют в «энергетическом империализме», с энтузиазмом поддержала эти инициативы.

3. Действия в защиту климата. Деятельность по борьбе с изменением климата должна включать как смягчение последствий изменений, так и адаптацию к последствиям, что требует усиления регионального сотрудничества. Это приоритетное направление охватывает несколько взаимосвязанных аспектов: готовность к чрезвычайным ситуациям и управление снижением риска бедствий, связанных с климатическими и погодными рисками, мониторинг возникающих рисков для здоровья, рисков для продовольственной безопасности, реагирование на стрессы в региональных экосистемах и другие проблемы. Цель деятельности в этой области — включить адаптацию к изменению климата во все процессы планирования и секторального развития для повышения устойчивости инфраструктуры и общества и поддержки реализации Сендайской рамочной программы ООН по снижению

¹³ *Annual Report for the Finnish Presidency 2013—2014*. P. 28. URL: https://cbss.org/wp-content/uploads/2020/04/CBSS_AnnualReport_2013—14.pdf (дата обращения: 09.04.2021).

¹⁴ *Realizing the Vision. The Baltic 2030 Action Plan*, June. URL: <http://www.cbss.org/wp-content/uploads/2018/03/Baltic-2030-Action-Plan-leafleteng.pdf> (дата обращения: 09.04.2021).

риска бедствий в регионе. Поддержка Россией стратегий смягчения последствий изменения климата разительно контрастировала с позицией Дональда Трампа по этому вопросу и соответствовала позициям других стран Балтийского моря.

4. Равенство и социальное благополучие для всех. В РБМ входят страны, которые считаются одними из самых равноправных в мире, но также и некоторые из наиболее быстро меняющихся обществ в мире, движущихся в направлении роста неравенства. Особое внимание в этой области уделяется гендерному равенству и правам детей, а также поддержке сотрудничества в решении общих демографических проблем: старение населения, миграция, экономическое и социальное неравенство, проблемы, связанные со здоровьем, социальная инклюзия, а также борьбе с преступностью, насилием и актами дискриминации, с которыми люди сталкиваются в РБМ.

5. Создание устойчивых и резильентных городов и сообществ. Население, экономическая деятельность, социальное и культурное взаимодействие, а также экологические и гуманитарные воздействия все больше концентрируются в городах, что создает огромные проблемы для устойчивости с точки зрения жилья, инфраструктуры, основных услуг, продовольственной безопасности, здравоохранения, образования, достойных рабочих мест. В то же время поддержка позитивных экономических, социальных и экологических связей между городскими, пригородными и сельскими районами путем усиления национального, макрорегионального и субрегионального планирования развития имеет первостепенное значение. С 2013 года Россия пытается внедрить принципы стратегического планирования в программы устойчивого развития городов. В 2014 году Москва приняла специальный закон о стратегическом планировании, который обязывает все три уровня власти — федеральный, региональный и муниципальный — иметь стратегии развития, которые должны основываться на концепции устойчивого развития¹⁵. Муниципалитеты Северо-Запада России в значительной степени опираются на опыт стран Балтийского моря в этой области, внедряя концепции «умных» или «зеленых» городов [32].

6. Качественное образование и обучение на протяжении всей жизни для всех. Быстрые социальные и технологические изменения приводят к необходимости разработки и применения концепции качественного образования и обучения на протяжении всей жизни во всех странах Балтийского моря. Это направление делает особый упор на научную грамотность и исследования, STEM-образование и инновации (наука, технологии, инженерия и математика), которые могут поддержать устойчивое развитие с экономической, социальной и культурной точек зрения. В этом отношении особенно эффективны профессиональные ассоциации, такие как, например, Сеть университетов региона Балтийского моря, где Россия тесно сотрудничает с другими странами Балтийского моря.

План действий Балтийской повестки дня до 2030 года предоставил возможность для гармонизации политики СГБМ и Стратегии ЕС для региона Балтийского моря (EUSBSR) [33]. Более того, этот План действий представляет собой не только региональную стратегию устойчивого развития, но также обеспечивает полезную и прочную связь между региональной и глобальной организацией (ООН). Другими словами, с помощью этого Плана действий СГБМ может преобразовать глобальную стратегию устойчивого развития ООН в региональную, которая будет учитывать местные особенности и более эффективно обслуживает конкретные потребности региона Балтийского моря.

¹⁵ О стратегическом планировании в Российской Федерации : федер. закон от 28 июня 2014 года № 172-ФЗ // Российская газета. 2014. 28 июня. URL: <https://rg.ru/2014/07/03/strategia-dok.html> (дата обращения: 09.04.2021).

На 25-й юбилейной встрече СГБМ (Рейкьявик, июнь 2017 года) министры иностранных дел и высокопоставленные представители государств подчеркнули дальнейшие приоритеты стратегии устойчивого развития / социетальной безопасности Совета¹⁶. Они призвали СГБМ продолжать активную работу для достижения ощутимых результатов в рамках трех вышеупомянутых долгосрочных приоритетов: региональная идентичность, устойчивый и процветающий регион и безопасный регион. В частности, они предложили СГБМ определить и запустить новые проектные мероприятия с целью достижения конкретных результатов в каждой из следующих предметных областей.

Устойчивое развитие. Принятие Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года и Парижского соглашения об изменении климата 2015 года ознаменовало начало новой эры в глобальном сотрудничестве в целях устойчивого развития. СГБМ играет важную роль в обеспечении региональных ответов на глобальные вызовы, изложенные в Повестке дня на период до 2030 года, в том числе посредством расширения сотрудничества по смягчению последствий и адаптации к изменению климата. Как упоминалось выше, СГБМ отреагировал на эту инициативу ООН, приняв План действий «Балтика-2030» для достижения глобальных ЦУР на региональном уровне.

Молодежь. Страны Балтийского моря убеждены, что их молодежь — будущее региона. Приобретение знаний друг о друге и друг от друга способствует укреплению региональной идентичности. В этом контексте Молодежный диалог Балтийского моря является инструментом для построения межнационального доверия и взаимопонимания, особенно в трудные времена, и должен обеспечить основу для устойчивого молодежного сотрудничества региона Балтийского моря в СМИ, образовании, науке и на рынке труда.

Торговля людьми. Целевая группа СГБМ при активном участии России по борьбе с торговлей людьми успешно работает с 2006 года и заслужила международное признание. Текущая глобальная миграционная реальность привела к значительному увеличению числа беженцев и перемещенных лиц в Европе, которые подвергаются риску эксплуатации со стороны торговцев людьми, поэтому особенно важно, чтобы целевая группа продолжала свои усилия по предотвращению торговли людьми. Учитывая успешный опыт конференции СГБМ по социальной безопасности и миграции в 2017 году, министры иностранных дел призвали СГБМ к дальнейшему развитию сотрудничества по данному актуальному вопросу между странами Балтийского моря. Хотя для России миграция в настоящее время не представляет серьезной проблемы, Москва солидарна со своими балтийскими соседями и активно поддерживает их усилия в этой сфере.

Защита детей. Россия участвует в экспертной группе СГБМ по вопросам детей из групп риска, которая с 2002 года уделяет внимание проблемам, вызывающим озабоченность в регионе, таким как дети, находящиеся под альтернативным уходом, продвижение правосудия, доброжелательного к детям, предотвращение торговли детьми и их эксплуатации, а также продвижение защиты первостепенных интересов детей в сфере миграции. Вопросы защиты детей выделены в Повестке дня на период до 2030 года как важный приоритет стратегии социетальной безопасности. Группа экспертов СГБМ имеет обширный опыт работы в области защиты детей и все полномочия для реализации Повестки дня на период до 2030 года.

¹⁶ Declaration on the Occasion of the 25th Anniversary of the Council of the Baltic Sea States. 2017. 20 June. URL: <http://www.cbss.org/wp-content/uploads/2017/06/The-Reykjavik-Declaration.pdf> (дата обращения: 09.04.2021).

Защита граждан. С 2002 года Сеть гражданской защиты СГБМ разрабатывает мероприятия по повышению устойчивости к крупным чрезвычайным ситуациям и стихийным бедствиям в регионе. Увеличение интенсивности и частоты экстремальных погодных условий придает актуальность активизации этих усилий за счет расширения сотрудничества на всех уровнях правительства и в соответствии с целями Сендайской рамочной программы ООН по снижению риска бедствий. Некоторые эксперты считают этот аспект деятельности СГБМ наиболее важным и склонны отождествлять концепцию социетальной безопасности со способностью противостоять природным и техногенным катастрофам в регионе Балтийского моря [34, с. 109—115; 35]. Москва полагает, что она может внести значительный вклад в обеспечение гражданской защиты в регионе, поскольку Россия имеет как прочную материально-техническую базу, так и практический опыт в этой сфере.

На той же юбилейной встрече 2017 года министры предложили СГБМ назначить независимую группу советников, включая представителей гражданского общества. Задача независимой группы заключалась в разработке отчета, представляющего видение РБМ после 2020 года, а также будущую роль СГБМ и средства расширения влияния этой организации в качестве форума для политического диалога и практического сотрудничества в регионе. Независимая группа (в которой представитель России играл значимую роль) представила свой отчет и рекомендации СГБМ для рассмотрения в июне 2018 года. Группа рекомендовала и дальше использовать и укреплять СГБМ в качестве ключевой платформы для регионального сотрудничества и коммуникации, а также подтвердить три текущих долгосрочных приоритета как стратегические цели на обозримое будущее¹⁷.

Москва активно участвовала в обсуждении Дорожной карты реформирования СГБМ, утвержденной во время председательства Латвии в 2018—2019 годах. Россия также поддержала председательство Дании в ее усилиях по принятию пересмотренных полномочий СГБМ и Секретариата СГБМ. Москва помогла подготовить ряд других важных документов: Ориентирование роли и участия СГБМ в СЕСРБМ и Северном измерении, Оперативное руководство по практическому сотрудничеству СГБМ, Руководство по сбору средств СГБМ, Обновленная повестка и новая региональная стратегия, разработанная для Экспертной группы по направлению «Дети в группе риска на 2020—2025 годы», а также разработать новое положение стратегии работы Целевой группы по борьбе с торговлей людьми на 2020—2025 годы¹⁸.

Следует отметить, что даже пандемия коронавируса не стала серьезным препятствием для сотрудничества стран РБМ в рамках СГБМ. Некоторые важные мероприятия по окончании датского председательства, включая заключительную встречу министров, прошли в онлайн-формате, но это не помешало министрам оценить датское председательство как одно из самых эффективных. Помимо принятия вышеупомянутых документов под председательством Дании был назначен новый Генеральный директор Секретариата СГБМ, а Секретариат Совета получил новое помещение в Стокгольме.

Продолжая работу в условиях эпидемии коронавируса, Россия поддержала основные приоритеты программы председательства Литвы (2020—2021):

¹⁷ *Vision for the Baltic Sea Region beyond 2020. Report by the Council of the Baltic Sea States Vision Group. 2018. June. URL: <https://cbss.org/wp-content/uploads/2020/03/Vision-Group-Report.pdf> (дата обращения: 09.04.2021).*

¹⁸ *Annual Report for the Danish Presidency 2019—2020. 2020. URL: <https://cbss.org/wp-content/uploads/2020/10/Annual-Report-Denmark-2019—2020.pdf> (дата обращения: 09.04.2021).*

- устойчивое развитие, особенно в области развития зеленой индустрии;
- зеленый и морской туризм как важный сектор для возрождения региональной экономики, повышения узнаваемости региона, предоставления возможностей трудоустройства для молодежи;
- защита граждан в регионе, повышение устойчивости региона к крупным чрезвычайным ситуациям и стихийным бедствиям;
- борьба с торговлей людьми с целью трудовой эксплуатации в регионе, а также предотвращение насилия в отношении детей¹⁹.

За время существования СГБМ Россия всегда активно участвовала в различных проектах Совета — экологических, инфраструктурных, образовательных (Еврофакультеты в Калининграде и Пскове), молодежных и др. За последние три года Россия принимала участие в 19 из 46 проектов, инициированных СГБМ. Только три страны опередили в этих показателях Россию: Финляндия (23 проекта), Швеция (23) и Латвия (22) (рис.).

В настоящее время Россия участвует в четырех из шести реализуемых проектах:

- Мобильность региона Балтийского моря для молодых исследователей;
- Проект «Молодежная сеть балтийской идентичности» (YoPeNET);
- Молодежная сеть для устойчивого развития туризма в регионе Балтийского моря;
- Проект «THALIA» — вдумчивая, информированная и сострадательная журналистика в освещении проблемы торговли людьми²⁰.

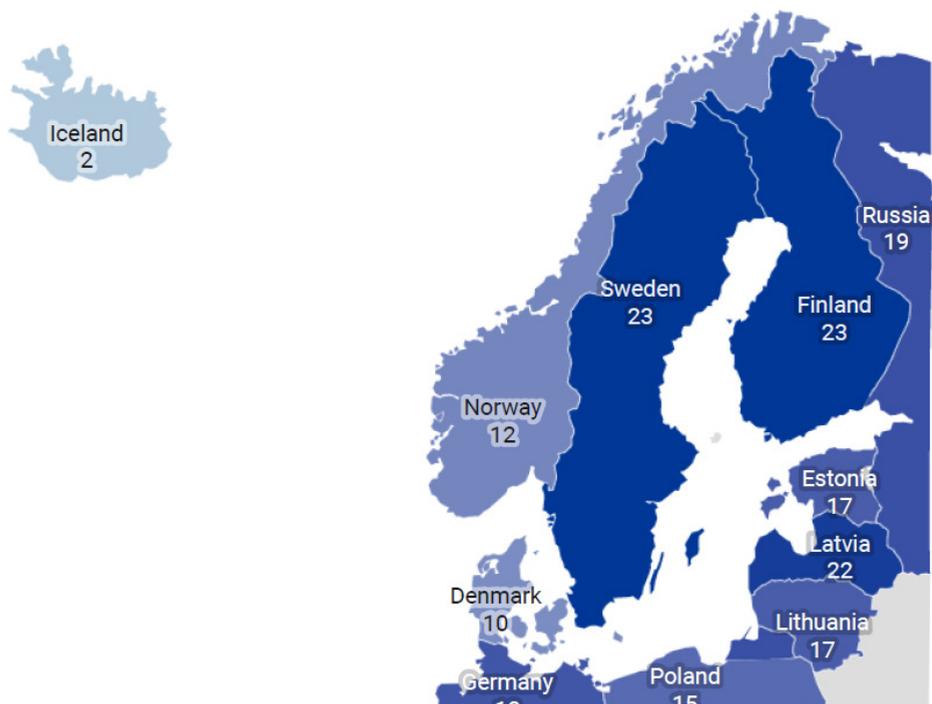


Рис. Участие государств-членов в проектах СГБМ, финансируемых Фондом поддержки проектов

Источник: *Ongoing Projects* — CBSS. 2021. URL: <https://cbss.org/psf/ongoing-projects/> (дата обращения: 19.04.2021).

¹⁹ *Lithuanian Presidency Program 2020—2021*. 2020. URL: <https://cbss.org/wp-content/uploads/2020/06/Lithuanian-Presidency-Programme-2020—2021.pdf> (дата обращения: 09.04.2021).

²⁰ *Ongoing Projects* — CBSS. 2021. URL: <https://cbss.org/psf/ongoing-projects/> (дата обращения: 19.04.2021).

Выводы

Несмотря на то, что концепция социетальной безопасности почти отсутствует в официальных документах России и в академических / экспертных дискуссиях, проблемы социетальной безопасности в различных формах постепенно набирают силу как на уровне практической политики, так и в работах ученых. Интерпретация концепции разными российскими школами варьируется от узкого (безопасность сообщества) до максимально широкого понимания (безопасность человека, устойчивое развитие). Это естественно для государства с переходной экономикой, где гражданское общество еще недостаточно зрело, где все еще преобладает ориентированный на государство подход к национальной безопасности и где человек и общество по-прежнему не могут быть референтными объектами безопасности.

Хотя российский дискурс о социетальной безопасности в основном обращен внутрь себя и связан с форматом национальной безопасности, региональное (балтийское) измерение постепенно набирает силу в российском академическом и политическом сообществе.

Несмотря на продолжающуюся напряженность в отношениях между Москвой и Западом, которая достигла критической стадии после украинского кризиса, страны Балтийского моря, включая Россию, выявили почти идентичный набор мягких угроз и вызовов безопасности как для отдельных стран, так и для региона в целом. Эти угрозы социетальной безопасности включают неравномерное региональное развитие, социальное и гендерное неравенство, безработицу (особенно среди молодежи), бедность, проявления нетерпимости, религиозный и политический экстремизм, сепаратизм, крупномасштабную миграцию, несоответствия в системах образования, изменение климата, природные и техногенные катастрофы, транснациональную организованную преступность и киберпреступность, международный терроризм, так называемые гибридные угрозы и т. д.

При участии России сообщество РБМ смогло выработать общие подходы к борьбе с угрозами общественной безопасности, предлагая общий арсенал методов и инструментов для решения проблем, улучшения ситуации на национальном и региональном уровнях, а также для разработки перспективной долгосрочной стратегии устойчивого развития. СГБМ был выбран в качестве надлежащего регионального учреждения для реализации общей стратегии социетальной безопасности, примером которой является План действий Повестки дня «Балтия 2030». Несмотря на то, что геополитическая напряженность в регионе остается на высоком уровне и разные страны по-разному интерпретируют концепцию социетальной безопасности и стратегию устойчивого развития, общая динамика в регионе Балтийского моря представляется относительно позитивной и дает некоторые основания для осторожного оптимизма.

Список литературы

1. *Security: A New Framework for Analysis* / eds. B. Buzan, O. Wæver, J. H. de Wilde, L. Riesen. L., 1998.
2. *Societal Security in the Baltic Sea region: Expertise Mapping and Raising Policy Relevance* / eds. M. Aaltola, B. Kuznetsov, A. Sprūds, E. Vizgunova. Riga, 2018.
3. *Societal Security. Inclusion-Exclusion Dilemma. A Portrait of the Russian-Speaking Community in Latvia* / ed. Z. Ozoliņa. Riga, 2016.
4. *The Baltic States and Their Region: New Europe or Old?* / ed. D. J. Smith Rodopi. N. Y., 2005.
5. *Keller R. Doing Discourse Research: An Introduction for Social Scientists*. Los Angeles, 2013.

6. *Moravcsik A. Schimmelfennig F. Liberal Intergovernmentalism // Wiener A., Diez T. (eds.) European Integration Theory. Oxford, 2009. P. 67—87.*
7. *Балуев Д. Г. Современная мировая политика и проблемы личностной безопасности. Н. Новгород, 2002.*
8. *Чугаев С. Состояние экономики и общества — главная угроза России — говорится в российской концепции национальной безопасности // Известия. 1997. 19 дек.*
9. *Цыганков П. А. Теория человеческой безопасности: политические последствия и уроки для России // Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки. 2010. № 4. С. 80—83.*
10. *Козырева А. Концепция Human Security в современном мире // Обозреватель-Observer. 2003. № 9.*
11. *Кулагин В. М. Международная безопасность. М., 2006.*
12. *Лебедева М. М. Мировая политика. М., 2007.*
13. *Васильченко О. К. Human Security: о понятии // Новые идеи в философии : матер. II Междунар. науч. конф. (г. Казань, май 2016 г.). Казань, 2016.*
14. *Бакунцев А. В. Русские в Прибалтике: проблема культурной самоидентификации // Вестник ЦМО МГУ. Сер.: Филология. Культурология. Педагогика. Методика. 2009. № 1. С. 67—69.*
15. *Русские в Прибалтике / под ред. И. Белобровцевой. М., 2010.*
16. *Бугай Н. Ф. Финны-ингерманландцы. Трансформации этнической общности: забвение, возрождение, перспектива. М., 2017.*
17. *Алексеев Ю. В., Манаков А. Г. Народ Сету между Россией и Эстонией. М., 2005.*
18. *Половина Е. В. Проблема дефиниции концепции безопасности человека в документах ООН // Политика, государство и право. 2015. № 4. URL: <https://politika.snauka.ru/2015/04/2823> (дата обращения: 14.04.2021).*
19. *Russia and Europe: The Emerging Security Agenda / ed. V. Baranovsky. N.Y., 1997.*
20. *Публичная политика: вопросы мягкой безопасности в Балтийском регионе / под ред. М. Б. Горного. СПб., 2004.*
21. *Селин В. С., Васильев В. В. Взаимодействие глобальных, национальных и региональных экономических интересов в освоении Севера и Арктики. Апатиты, 2010.*
22. *Vvedenskiy A. Innovation Infrastructure as the Key Element of Sustainable Venture Ecosystem in Russia // Baltic Rim Economies. 2014. 29 April. P. 44.*
23. *Makarychev A., Sergunin A. Russia's Role in Regional Cooperation and the EU Strategy for the Baltic Sea Region (EUSBSR) // Journal of Baltic Studies. 2017. Vol. 48, № 2. P. 34—50.*
24. *Капустин Б. «Национальный интерес» как консервативная утопия // Свободная мысль. 1996. № 3. С. 13—28.*
25. *Wæver O. Societal Security: The Concept // Identity, Migration, and the New Security Agenda in Europe / eds. O. Wæver, B. Buzan, M. Kelstrup, P. Lemaitre. N. Y., 1993. P. 17—40.*
26. *Васильева Н. А., Чэньсин В. Модернизация как поиск новой идентичности России: арктическая модель // Вестник международных организаций. Образование, наука, новая экономика. 2011. Т. 6, № 3. С. 20—26*
27. *Makarychev A. Contours of Regional Identity: Testing Constructivism on Kaliningrad's Ground // Journal of Eurasian Research. 2003. Vol. 2, № 1. P. 18—25.*
28. *Morozov V. Russia in the Baltic Sea Region: Desecuritization or Deresegionalization? // Cooperation and Conflict. 2004. Vol. 39, № 3. P. 317—331.*
29. *Морозов В. О коварстве Запада и его разоблачителях: Российская внешнеполитическая мысль и самоизоляция России // Неприкосновенный запас. 2005. № 5. С. 14—22.*
30. *Sergunin A. The Baltic Sea region after the Ukrainian crisis and Trump: a Russian perspective // DIIS Report. 2019. № 4. URL: <http://hdl.handle.net/10419/227703> (дата обращения: 10.04.2021).*
31. *Журавель В., Иванов С. М. Взаимодействие государств Балтийского моря в сфере региональной безопасности // Геополитический журнал. 2018. № 1 (21). С. 40—46.*
32. *Sergunin A. Applying EU standards to planning Russian Arctic cities' sustainable development strategies: challenges and opportunities // Environmental Knowledge and Policy Innovation between East and West. Lessons Learned and Not? Open Science Conference Proceedings, Minsk, 28—30 May 2019. Minsk, 2019. P. 108—109.*

33. *Palmowski T.* The European Union Strategy for the Baltic Sea Region and accomplishments // *Baltic Region*. 2021. Vol. 13, № 1. P. 138—152. doi: 10.5922/2079-8555-2021-1-8.
34. *Nikers O., Tabuns O.* Baltic Security Strategy Report. What the Baltics Can Offer for a Stronger Alliance. Washington, 2019.
35. *Wolanin J.* Common societal security culture in the Baltic Sea Region: basics and the way forward. 13 December. Council of the Baltic Sea States Secretariat, Stockholm. 2017. URL: <https://cbss.org/publications/common-societal-security-culture-in-the-baltic-sea-region-basics-and-the-way-forward/> (дата обращения: 08.03.2021).

Об авторе

Александр Анатольевич Сергунин, доктор политических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия; профессор кафедры политологии, Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Россия.

E-mail: a.sergunin@spbu.ru

<http://orcid.org/0000-0002-4683-0611>

SOCIETAL SECURITY IN THE BALTIC SEA REGION: THE RUSSIAN PERSPECTIVE

A. A. Sergunin

St Petersburg State University,
7/9 Universitetskaya nab., St Petersburg, 199034, Russia
Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod,
23 Gagarina prospect, Nizhny Novgorod, 603022, Russia

Received 08.05.2021
doi: 10.5922/2079-8555-2021-3-1
© Sergunin, A. A., 2021

This study discusses whether the concept of societal security is embedded in the Russian official and informal discourses as well as in the Russian strategic documents on national security and the Baltic Sea region. Particularly, the paper describes four paradigms of international relations (neorealism, neoliberalism, globalism and postpositivism) and theoretical approaches to the concept of societal security formulated in them. On a practical plane, Russia managed to develop — together with other regional players — a common regional approach to the understanding of societal security threats and challenges in the Baltic Sea region. These challenges include uneven regional development, social and gender inequalities, unemployment, poverty, manifestations of intolerance, religious and political extremism, separatism, large-scale migration, inconsistencies in education systems, climate change, natural and man-made catastrophes, transnational organized crime and cybercrime, international terrorism, so-called hybrid threats, etc. Russia and other Baltic countries agreed that the Council of the Baltic Sea States should be a proper regional institution to implement a common societal security strategy exemplified by the Baltic 2030 Agenda Action Plan (2017).

Keywords:

societal security, Russia, Baltic Sea region, Council of the Baltic Sea States, Baltic 2030 Agenda Action Plan

References

1. Buzan, B., Wæver, O., de Wilde, J. H. 1998, *Security: A New Framework for Analysis*, Lynne Rienner, London/Boulder.
2. Aaltola, M., Kuznetsov, B., Sprūds, A., Vizgunova, E. (eds.) 2018, *Societal Security in the Baltic Sea region: Expertise Mapping and Raising Policy Relevance*, Latvian Institute of International Affairs/Zinātne, Riga.
3. Ozoliņa, Ž. (ed.) 2016, *Societal Security. Inclusion-Exclusion Dilemma. A Portrait of the Russian-Speaking Community in Latvia*, Zinātne, Riga.
4. Smith, D.J. (ed.) 2005, *The Baltic States and Their Region: New Europe or Old?* Rodopi, New York.
5. Keller, R. 2013. *Doing Discourse Research: An Introduction for Social Scientists*, SAGE, Los Angeles.
6. Moravcsik, A., Schimmelfennig, F. 2009, Liberal Intergovernmentalism. In: Wiener, A., Diez, T. (eds.) *European Integration Theory*, Oxford University Press, Oxford, p. 67—87.
7. Baluev, D. 2002, *Sovremennaya Mirovaya Politika i Problemy Lichnostnoi Bezopasnosti* [Contemporary World Policy and Problems of Human Security], Nizhny Novgorod State University Press, Nizhny Novgorod (in Russ.).
8. Chugayev, S. 1997, State of the Economy and Society Is the Main Threat for Russia, Says the Russian National Security Concept, *Izvestiya*, 19 December (in Russ.).
9. Tsygankov, P.A. 2010, Human Security Theory: Political Implications and Lessons for Russia, *Moscow University Bulletin. Series no. 12. Political Science*, no. 4, p. 80—83 (in Russ.).
10. Kozyreva, A. 2003, Human Security Concept in the Contemporary World, *Obozrevatel'-Observer*, no. 9 (in Russ.).
11. Kulagin, V.M. 2006, *Mezhdunarodnaya Bezopasnost* [International Security], Moscow, Aspect Press (in Russ.).
12. Lebedeva, M. 2006, *Mirovaya Politika* [World Politics], Moscow, Aspect Press (in Russ.).
13. Vasilchenko, O. 2016, Human Security: on a Concept. In: Akhmetov, I.G. (ed.) *Novye Idei v Filosofii* [New Ideas in Philosophy], Moscow, Buk, p. 13—19 (in Russ.).
14. Bakuntsev, A.V. 2009, The Russians in the Baltic Sea Region: the Problem of Self-Identification, *Vestnik Tsentra Mezhdunarodnogo Obrazovaniya Moskovskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Filologiya. Pedagogika. Metodika* [The Bulletin of the International Education Center, Moscow State University. Philology. Pedagogy. Methods], no. 1, p. 67—69 (in Russ.).
15. Belobrovteva, I. (ed.) 2010, *Russkie v Pribaltike* [Russians in the Baltic Sea Region], Moscow, Flinta/Nauka (in Russ.).
16. Bugay, N. 2017, *Finnyy-Ingermanlandtsy. Transformatsii Etnicheskoi Obshnosti: Zabvenie, Vozrozhdenie, Perspektiva* [The Ingrian Finns. Transformations of Ethnic Community: Oblivion, Revival, Perspectives], Moscow, Akvarius (in Russ.).
17. Alekseev, Y.V., Manakov, A.G. 2005, *Narod Setu: Mezhdru Rossiei i Estoniei* [The People of Setu: Between Russia and Estonia], Moscow, Europe (in Russ.).
18. Polovina, E.V. 2015, The Problem of Definition of the Human Security Concept in the UN Documents, *Politika, Gosudarstvo i Pravo* [Politics, State and Law], no. 4 (in Russ.).
19. Baranovsky, V. (ed.) 1997, *Russia and Europe: The Emerging Security Agenda*, New York, Oxford University Press.
20. Gorny, M. (ed.) 2004, *Publichnaya Politika: Voprosy Myagkoi Bezopasnosti v Baltiyskom Regione* [Public Policy: Soft Security Issues in the Baltic Sea Region], St. Petersburg, Norma (in Russ.).
21. Selin, V.S., Vasiliev, V.V. 2010, *Vzaimodeistvie Global'nykh, Natsional'nykh i Regional'nykh Ekonomicheskikh Interesov v Osvoenii Severa i Arktiki* [Interaction of Global, National and Regional Economic Interests in the Development of the North and Arctic], The Kola Science Center of the Russian Academy of Sciences, Apatity (in Russ.).
22. Vvedenskiy, A. 2014, Innovation Infrastructure as the Key Element of Sustainable Venture Ecosystem in Russia, *Baltic Rim Economies*, 29 April, p. 44.
23. Makarychev, A., Sergunin, A. 2017, Russia's Role in Regional Cooperation and the EU Strategy for the Baltic Sea Region (EUSBSR), *Journal of Baltic Studies*, vol. 48, no. 2, p. 34—50.

24. Kapustin, B. 1996, National Interest as a Conservative Utopia, *Svobodnaya Mysl* [Liberal Thought], no. 6, p. 13–28 (in Russ.).
25. Wæver, O. 1993, Societal Security: The Concept. In: Wæver, O., Buzan, B., Kelstrup, M., Lemaitre, P. (eds.) *Identity, Migration, and the New Security Agenda in Europe*, New York, St. Martin's Press, p. 17–40.
26. Vasilieva, N.A., Chensin, V. 2011, Modernization as a Search for Russia's New Identity: the Arctic Model, *Vestnik Mezhdunarodnykh Organizatsiy* [International Organizations Research Journal], no. 3, p. 20–26 (in Russ.).
27. Makarychev, A. 2003, Contours of Regional Identity: Testing Constructivism on Kaliningrad's Ground, *Journal of Eurasian Research*, vol. 2, no. 1, p. 18–25.
28. Morozov, V. 2004, Russia in the Baltic Sea Region: Desecuritization or Deregionalization? *Cooperation and Conflict*, vol. 39, no. 3, p. 317–331.
29. Morozov, V. 2005, On the West's Cunning and Its Unmaskers: Russia's Foreign Policy Thought and Self-Isolation, *Neprikosnovenny Zapas* [Emergency Store], no. 5, p. 14–22.
30. Sergunin, A. 2019, The Baltic Sea region after the Ukrainian crisis and Trump: a Russian perspective, *DIIS Report*, no. 4, The Danish Institute for International Studies, Copenhagen.
31. Zhuravel, V., Ivanov, S. 2018, Cooperation of the Baltic Sea states in the sphere of regional security, *Geopoliticheskiy zhurnal* [Geopolitical Journal], no. 1, p. 40–46 (in Russ.).
32. Sergunin, A. 2019, Applying EU standards to planning Russian Arctic cities' sustainable development strategies: challenges and opportunities. In: Varaksin, A.N. (eds.) *Environmental Knowledge and Policy Innovation between East and West. Lessons Learned and Not? Open Science Conference Proceedings*, Minsk, 28–30 May 2019, Minsk, p. 108–109.
33. Palmowski, T. 2021, The European Union Strategy for the Baltic Sea Region and accomplishments, *Baltic Region*, vol.13, no. 1, p. 138–152. doi: <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2021-1-8>.
34. Nikers, O., Tabuns, O. 2019, *Baltic Security Strategy Report. What the Baltics Can Offer for a Stronger Alliance*, The Jamestown Foundation, Washington.
35. Wolanin, J. 2017, *Common societal security culture in the Baltic Sea Region: basics and the way forward*, 13 December, Council of the Baltic Sea States Secretariat, Stockholm, available at: <https://cbss.org/publications/common-societal-security-culture-in-the-baltic-sea-region-basics-and-the-way-forward/> (accessed 15.05.2021).

The author

Prof. Alexander A. Sergunin, Department of International Relations Theory & History, St. Petersburg State University, Russia; Department of Political Science, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Russia.

E-mail: a.sergunin@spbu.ru

<http://orcid.org/0000-0002-4683-0611>
